

УДК 81

ИСТОРИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НОРМЫ**© В. А. Литвинов**

*Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г.Уфа, ул. Заки Валиди, 32.
Тел./факс: +7 (987) 2513762
E-mail: victorlitwinow@yandex.ru*

В статье рассматривается проблема нормы и нормативного подхода к языку в диахроническом плане. Определяется специфика нормативного подхода к языковым средствам в различных лингвистических традициях и выявляются основные характеристики лингвистической нормы. В статье указывается, что на каждом этапе развития языка складываются свои нормы как результат соотношения существующих языковых средств.

Ключевые слова: *языковая норма, лингвистическая традиция, литературный язык, диалект, национальный язык, литературная норма, диалектная норма, норма «народного» языка, нарушение нормы, кодифицированная норма.*

Норма как неотъемлемая часть цивилизованного общества существует в разных областях жизнедеятельности индивидуума и важна для многих видов человеческой деятельности. Существуют различные нормы, как требования, которым должна удовлетворять разнообразная продукция человеческой деятельности. Нормы являются регуляторами взаимоотношений между людьми. Они устанавливаются обществом, и у каждого индивидуума данного социума вырабатывается представление о том, что нормально для человеческого общения, а что ненормально и, следовательно, выходит за пределы установленной нормы.

Норма устанавливается и в языке, она постоянно присутствует в высказываниях человека. И это вполне естественно, поскольку язык является неотъемлемой частью, продуктом, не только цивилизованного, но и вообще всякого человеческого общества. Норма – одно из центральных лингвистических понятий.

Норма в языке относится к числу тех проблем лингвистики, которые постоянно находились и находятся в центре внимания уже нескольких поколений исследователей. И в зависимости от уровня развития языкознания, теоретических взглядов исследователей и от потребностей социума решается весьма по-разному.

Нормативный подход к языку господствовал во всех лингвистических традициях, начиная с античности и заканчивая современностью. Во всех лингвистических традициях либо с самого начала, либо с течением времени возникает представление о строгой норме, от которой нельзя отступать. В европейской традиции оно появляется уже в поздней античности. Еще жестче становится норма в Средние века.

На ранних стадиях развития некоторых традиций (античность, Древний Китай), когда между разговорным и письменным языком больших различий не было и не существовал особый сакральный (священный) язык, вопросы нормы, хотя и были актуальными, решались чисто эмпирически, без выделения какого-либо строгого корпуса нормативных текстов [1, с. 21]. Филологическая деятельность также не всегда напрямую связывалась с нормализацией. Так,

например, Александрийские грамматисты толковали Гомера, но следовать его языку жестко не предписывалось.

Ни одной из лингвистических традиций не было свойственно представление об историческом изменении языка и его норм. Язык понимался как нечто существующее изначально, обычно как дар высших существ. Так, как считают арабы, Коран не сотворен, а существует извечно; пророк Мухаммед лишь воспроизвел его для людей. Следовательно, извечен и арабский язык, на котором создан Коран, и он не может меняться. У других народов существовали предания о творении языка, иногда с участием человека, как в Библии, но все равно после творения язык уже существует как данность и уже не может меняться.

Очень часто язык культуры представляет собой нормированный вариант более раннего состояния языка. И тем не менее, несмотря на данное отношение к языку, грамматисты не могли не заметить, что язык (даже язык культуры) меняется. Всегда наблюдались большие или меньшие расхождения между языковым идеалом и реальной языковой практикой. Это однозначно расценивалось как порча языка, поскольку человек не может изменить или усовершенствовать божий дар, но может полностью или частично его забыть или испортить.

Латынь и средневековые (романские) языки, классический арабский и арабские диалекты, бунго и разговорный японский и т. д. понимались не как разные стадии развития языка, а как престижный и непрестижный его варианты. Подобная точка зрения господствовала еще в 40-е гг. XX в. в Японии. Этот факт отмечает М. Токиэда. Задачей ученого было не допустить в «возвышенный» язык проникновения элементов «вульгарного» языка. Лишь немногие языковеды признавали, что язык не создан сразу, и допускали возможность создания новых слов. Языковые изменения допускались только в лексике, но не в грамматике (Ибн Джинни) [1].

В XVIII веке Французская академия при создании нормативного словаря ставила перед собой задачу упорядочить язык «раз и навсегда». Представление о незыблемости нормы было свойственно многим ученым и имело под собой психологическую основу. Иллюзия неизменяемости языка возникает под влиянием того факта, что язык в целом изменяется медленно, постепенно и для ощутимых сдвигов в языке недостаточно жизни одного поколения. В свою очередь, все новое в языке, непрерывно входящее в речевую практику, несет с собой временное неудобство и потому, естественно, вызывает оборонительную реакцию.

В современное языкознание понятие нормы вошло прочно. Норма находилась и находится постоянно в центре внимания лингвистов: Э. Косериу, Г. О. Винокур, М. М. Гухман, Н. Н. Семенюк, В. Н. Ярцева, О. И. Москальская, Р. Г. Пиотровский, Л. А. Турыгина, В. А. Ицкович, Л. П. Крысин и другие. Современное языкознание освободилось от догматического представления о незыблемости нормы. Общеизвестно, что каждый этап развития языка является продолжением этапа предшествующего и имеет свои нормы.

Как известно, создание современной теории нормы было инициировано взглядами Фердинанда Де Соссюра на язык как на систему знаков. В дальнейшем теория нормы получила свое развитие благодаря применению функционального подхода к языку, который наиболее последовательно и плодотворно разрабатывался Пражским лингвистическим кружком.

Несмотря на сравнительно недолгую традицию, употребление понятия нормы имеет свою, хотя и краткую, но довольно противоречивую историю. Первоначально осознаваемое лишь как важное общее свойство языка, как существенный атрибут его системы [то как «система (совокупность) норм» (Н. С. Трубецкой, Э. Цвирнер и др.), то как «нормативная

идеология» или «нормативная система» (Э. Альман, О. фон Эссен)], понятие нормы, постепенно начинает трансформироваться в некое специальное лингвистическое понятие, отражающее план языковой реализации и различным образом соотношенное с понятиями схемы (Л. Ельмслев), или системы языка (Э. Косериу), в которых нашло свое выражение представление о его внутренней организации.

Понимание нормы как коррелята системы лежит в основе структурно-системного подхода, возникшего в работах многих отечественных и зарубежных структуралистов (Ф. Де Соссюр, Л. Ельмслев, Э. Косериу). Как известно, сторонники данного подхода выдвинули на первый план соотношение нормы и системы (или структуры) языка. В частности, Э. Косериу [2] в своей схеме «система – норма – узус» отталкивается от таких ключевых (необходимых и достаточных) признаков нормы, как системность, связь с языком-структурой, социальность, историчность. Определяя язык как систему функциональных противопоставлений и нормальных реализаций, он строго разграничивает систему и норму языка, понимая под *системой* имеющуюся совокупность языковых выразительных возможностей, и определяет языковую *норму* как *обязательную реализацию* системы, принятую в данном коллективе и данной культурой. При этом система представляет норме языка серию вариантов. Норма в определенном смысле шире, чем система, ибо языковая норма содержит большее число признаков. Но норма может быть и уже, чем система, поскольку она связана с выбором в пределах тех возможностей реализации, которые допускаются системой. В частности, В. Г. Гак [3, с. 5] подчеркивает, что «в языке, как организованной совокупности средств, следует различать две стороны: систему/структуру и норму».

Распространившийся под влиянием Э. Косериу взгляд на норму как на совокупность устойчивых, традиционных реализаций языковой системы («норма и есть реализованный язык» [2, с. 229]) является, в сущности, выражением точки зрения, согласно которой язык можно рассматривать и в аспекте его внутренней организации (т. е. как структуру) и в плане реализации и функционирования этой структуры, т. е. как норму. На это указывают Г. О. Винокур, Б. Гавранек.

Из приведенного понимания языка следует, что норма выводится объективно из самого языка, а не предписывается ему словарями и нормативными справочниками и, что из понятия нормы следует исключить ее динамические характеристики, т. е. подвижность, потенциальная возможность изменений, нетрадиционных реализаций.

Очевидно, что данный подход, даже в свете современных исследований, призванных конкретизировать схему Э. Косериу и элиминировать ее недостатки, не позволяет преодолеть объективно заложенного в норме противоречия *устойчивости* и *подвижности*. Конфликт статики и динамики представляется возможным преодолеть, если совместить синхронию и динамику (процесс порождения единиц языка, их функционирование).

Динамический взгляд на норму в языкознании получил свое развитие в работах Л. В. Щербы, Н. Ю. Шведовой, Л. И. Скворцова, Ф. П. Филина, Г. В. Степанова. Этот подход имеет в основе признание исторического и непрерывного во времени характера литературных норм, их системной упорядоченности, вариативности, динамичности порождения и функционирования в условиях постоянной социальной корректировки. Ещё В. фон Гумбольдт рассматривал каждый язык как самодовлеющую систему, не готовую, а вечно и непрерывно создаваемую, как деятельность, выражающую «глубинный дух народа» [4, с. 80]. Утверждение динамического начала в языке приводит В. фон Гумбольдта к абсолютизации изменчи-

ности и подвижности языка, но сама идея о творческом его характере неизменно оказывается сильной стороной всех концепций, разделяющих данное положение.

Динамический подход к норме совмещает воспроизведение реализованных возможностей системы, возведенных общественной практикой в ранг образца, и постоянное в процессе живой коммуникации порождение языковых фактов, ориентированных одновременно и на систему и на реализованный образец [5, с. 43]. При этом учитываются также динамические характеристики самой системы, предпосылки ее изменения во времени, возможности совершенствования в зависимости от потребностей социума, её синхронная динамика. А. А. Буров, например, отмечая динамический характер нормы, подчеркивает возможность языкового «плюрализма», сосуществования вариантов [6, с. 31]. По мнению Л. П. Крысина, норма не только изменчива во времени, но и предусматривает динамическое взаимодействие разных способов языкового выражения в зависимости от условий общения, коммуникативной целесообразности [7, с. 31].

В связи с этим следует отметить, что в русской традиции норма определяется как совокупность всего того, что употребляется в языке или как совокупность употребляемых языковых средств.

Нельзя не отметить, что понятие нормы не всеми лингвистами толкуется одинаково. Можно говорить об использовании термина норма в лингвистике в двух смыслах – широком и узком.

В широком смысле норма включает в себя такие средства и способы речи, которые формировались в течение многих веков и которые обычно отличают одну разновидность языка от других. Как известно, человеческая речь делится и стандартизуется на некоторое количество общепризнанных форм, называемых «языками». Каждый из них в свою очередь имеет ряд менее значимых вариантов, известных под названием «диалектов». Диалект рассматривается как отступление от стандартной нормы, во многих случаях даже как ее искажение. С исторической точки зрения такой подход «неправомерен, поскольку подавляющее большинство так называемых диалектов – это просто регулярно развивавшиеся в разных направлениях более ранние формы речи, предшествовавшие засвидетельствованным языкам» [8, с. 217]. По тем или иным причинам культурного характера внутри языкового сообщества, раздробленного на большое число диалектов, один из местных диалектов принимается в качестве предпочтительной или желательной формы речи. Данные исторические реалии дают основание говорить о норме применительно к территориальному диалекту. По-своему «нормален» также и любой из социальных или профессиональных жаргонов. Речевое поведение определенной группы является для неё нормативным.

Норма «народного» языка, которая включает в себя прежде всего различные формы диалектно окрашенной речи, носит, с точки зрения Б. Гавранка, преимущественно негативный характер и слабо осознается. Норма литературного языка отличается от норм диалекта главным образом по степени своей императивности и осознанности, кроме того, она носит не только негативный, но и позитивный характер [9, с. 85–86]. Этот позитивный характер литературной нормы заключается в более сложном распределении и использовании нормативных реализаций, т. е. в усложнении селективной, дифференцирующей и оценочной стороны нормы. Территориальный диалект, городское просторечие, социальные и профессиональные жаргоны не подвергаются кодификации. И поэтому к таким разновидностям языка не применяется понятие нормы в узком смысле этого термина. Неслучайно некоторые уче-

ные [10, с. 169] предлагают отказаться от кодифицированной литературной нормы как таковой и заменить ее более широкой языковой нормой, понимаемой как статистически доминирующий речевой узус.

В узком смысле норма – это результат кодификации языка. Разумеется, кодификация опирается на традицию существования языка в данном обществе, на общепринятые способы использования языковых средств. Но важным является то, что кодификация – это целенаправленное упорядочение всего, что касается языка и его применения. Результаты кодифицирующей деятельности отражаются в нормативных источниках.

Как известно, одним из ключевых признаков нормы в узком смысле слова является ее консервативность, позволяющая сохранять в литературном – нормированном и кодифицированном – языке жесткие предписания и запреты, а также традиционные способы языкового выражения, которым обязаны следовать представители данного общества. Эти правила и предписания способствуют единству и стабильности языка, но не гарантируют полной неподвижности нормы во времени. Со временем статус слов и синтаксических конструкций может меняться, в литературный обиход могут проникать новшества, которые начинают использоваться наравне с традиционными языковыми единицами, образуя таким образом варианты. Допущение нормой вариантов Л. П. Крысин [11, с. 179] называет толерантностью, а Л. И. Скворцов [5, с. 24] – эластичностью, при тождестве понятий.

Норма как результат кодификации неразрывно связана с литературным языком, который иначе называют нормированным или кодифицированным. Развитие и совершенствование литературного языка – это прежде всего обновление и совершенствование его норм на каждом историческом этапе жизни общества, связанное с актуальными социальными потребностями. Таким образом, изучение норм языка, их описание и закрепление являются важной общекультурной задачей. Понятие «норма» для изучения литературного языка имеет особое значение [12, с. 565], поскольку литературный язык являет собой высший этап в развитии функциональных систем языка. И как особая форма существования языка функционирует наряду с другими его формами: территориальными диалектами, полудиалектами, разновидностями обиходно-разговорного языка [13, с. 502].

Литературный язык как высший нормированный тип общенародного языка постепенно вытесняет диалекты и интердиалекты и становится как в устном, так и в письменном общении выразителем подлинной общенациональной нормы. Основным признаком национального языка является наличие единого, общего для всей нации и охватывающего все сферы общения нормированного литературного языка, сложившегося на народной основе. Поэтому изучение процесса укрепления и развития общенациональной литературной нормы становится одной из главных задач истории национального литературного языка.

Некоторые исследователи считают, что весь национальный язык – это совокупность арго разных социальных групп, а литературный язык – интеллигентское арго [14]. Для национального литературного языка и его развития типична тенденция к функционированию в разных сферах народно-культурной и государственной жизни – как в устном, так и в письменном общении – в качестве единого и единственного.

Современный национальный язык существует в нескольких формах, среди которых ведущую роль играет литературный язык. Литературный язык – это форма исторического существования национального языка, принимаемая его носителями за образцовую. Литературный язык можно определить как исторически сложившуюся систему всеобщепотребитель-

ных единиц, которые прошли длительную культурную обработку и осмысление в текстах авторитетных мастеров слова, при научном описании языка в грамматиках, а также в общении образованных носителей национального языка. Языковые средства литературного языка складывались и оттачивались в течение долгого времени.

Литературному языку противопоставлены территориальные и социальные диалекты (говоры и жаргоны), отчасти просторечие как форма существования языка, не подвергающаяся сознательной обработке и кодификации. Они также принадлежат к национальному языку, входят в его состав. Однако между литературной формой языка и его нелитературными вариантами, будучи не столь развитыми в функциональном плане, осуществляется постоянная взаимосвязь: литературный язык пополняется и обновляется за счет народно-разговорной речи, а диалекты и просторечия постоянно подвергаются воздействию со стороны литературного языка и наоборот. Н. Б. Мечковская [15, с. 37–38] подчеркивает, что между отдельными нормами (например, литературным языком и диалектом, литературным языком и просторечием, городским просторечием и диалектом) существуют пограничные зоны, где происходит взаимодействие и взаимопроникновение разных норм.

Следовательно, существует проблема соотношения литературного языка и языковой нормы. Оба эти явления – сложные, исторически изменчивы, многосторонне связаны с другими явлениями. Этим определяется многочисленность и многообразие трактовок, аспектов научного подхода к литературному языку и языковой норме и к вопросу связей между ними.

С введением понятия нормы в современном языкознании делается попытка раскрыть сущность языка как функционирующей системы. С одной стороны, норме должна быть присуща известная устойчивость, стабильность как основа ее функционирования. Норма направлена на сохранение языковых средств и правил их использования, накопленных в данном обществе предшествующими поколениями. С другой стороны, будучи прикрепленной к языку – явлению социальному, находящемуся в постоянном развитии вместе с творцом и носителем языка – обществом, языковая норма не может не изменяться.

Подчеркивая социальную сторону понятия нормы, которая складывается из отбора языковых элементов – наличных, образуемых вновь и извлекаемых из пассивного запаса, С. И. Ожегов [16] обращает внимание на то, что нормы поддерживаются общественно-речевой практикой (художественной литературой, сценической речью, радиовещанием). На определенном этапе своего развития литературные произведения и радиопередачи действительно могли служить образцом нормативного употребления. На сегодняшний день ситуация изменилась. Не всякое литературное произведение и не всякая передача по радио и телевидению могут служить образцом нормативного употребления языка. Сфера строгого следования нормам языка значительно сузилась.

Литературная норма как результат не только традиции, но и кодификации представляет собой набор достаточно жестких предписаний и запретов, способствующих единству и стабильности литературного языка. Единство и общеобязательность нормы проявляются в том, что представители разных социальных слоев и групп, составляющих данное общество, обязаны придерживаться традиционных способов языкового выражения, а также тех правил и предписаний, которые содержатся в грамматиках и словарях и являются результатом кодификации. Отклонение от языковой традиции, от словарных и грамматических правил и рекомендаций считается нарушением нормы и обычно оценивается отрицательно носителями данного литературного языка. Но степень обязательности языковых норм неодинакова. Раз-

личают императивные языковые нормы, нарушения которых расцениваются как признак невладения культурой речи, как грубые ошибки, а, с другой стороны – не строго обязательные языковые нормы, допускающие известные отклонения. В целом более строгое соблюдение лингвистических норм (*allgemein stärkeres Normbewusstsein*) [17, с. 1037] характерно прежде всего для письменной формы существования языка в отличие от его устной формы. В отношении грамматической нормы целесообразно заметить, что, поскольку грамматика наиболее полно отражает систему парадигм и правил функционирования языка, то и любые нарушения грамматического строя языка в речи воспринимаются как грубейшее нарушение её культуры и литературной нормы [18, с. 44].

Литературный язык в современном мире заметно меняет свой статус. Норма становится менее жесткой, допускающей вариантность. Она ориентируется не на неизблемость и всеобщность, а скорее на коммуникативную целесообразность. Поэтому норма сегодня – это часто не столько запрет на что-то, сколько возможность выбора. Граница нормативности и ненормативности иногда бывает стертой, и некоторые разговорные и просторечные языковые факты становятся вариантами нормы. Становясь всеобщим достоянием, литературный язык легко впитывает в себя прежде запретные средства языкового выражения.

Хотя речевая практика литературно говорящих людей в целом ориентируется на норму, между нормативными установками и предписаниями, с одной стороны, и тем, как реально используется язык, с другой, всегда есть своего рода «зазор»: практика не всегда следует нормативным рекомендациям.

В любой норме, в том числе и в литературном языке, происходят колебания, дублетные, вариантные явления. Всегда возможна также известная неопределенность в признании конкретных языковых фактов нормативными или ненормативными, всегда имеются «зоны сомнения» [3, с. 5].

На всех этапах развития литературного языка, при использовании его в разных коммуникативных условиях допускаются варианты языковых средств. Вариативность нормы связана с динамичностью самой системы литературного языка. Тот факт, что варианты существуют в пределах нормы, только на первый взгляд кажется противоречащим строгости и однозначности нормативных установок. Норма по своей сути сопряжена с понятием отбора, селекции. В своем развитии литературный язык черпает средства из других разновидностей национального языка – из диалектов, просторечия, жаргонов, но делает это чрезвычайно осторожно. Эта селективная и, одновременно, охранительная функция нормы, ее консерватизм – несомненное благо для литературного языка, поскольку он служит связующим звеном между культурами разных поколений и разных социальных слоев общества.

Влияющие факторы для обновления литературной нормы многообразны. Прежде всего, это живая, звучащая речь. Она подвижна, текуча, в ней совсем не редкость то, что не одобряется официальной нормой. При неоднократном повторении многими людьми новшества могут проникать в литературный обиход и составлять конкуренцию фактам, освященным традицией. Так возникают варианты. Речевая практика часто идет вразрез с нормативными предписаниями, и противоречие между тем, как надо говорить, и тем, как реально говорят, оказывается движущим стимулом эволюции языковой нормы.

В разные периоды развития языка литературная норма имеет качественно разные отношения с речевой практикой. В эпохи демократизации литературного языка, т. е. приобщения к нему широких масс людей, не владеющих литературной нормой, консервативность

нормативной традиции, ее сопротивление «незаконным» новшествам ослабевают, и в литературном языке появляются элементы, которые до того времени норма не принимала, квалифицируя их как чуждые нормативному языку.

Исследования в области вариантности убедительно показывают, что вариантность в системе живого языка – это форма его развития. Эволюция языка неизбежно предполагает стадию сосуществования двух и даже более вариантов. Изменению норм предшествует появление их вариантов, которые реально существуют в языке на определенном этапе его развития.

Постоянное развитие языка ведет к изменению литературных норм. Думать о том, что норму можно законсервировать раз на века, было бы неправильным. Норма не является статичной, она подвижна. Но она может двигаться сама по себе, а может двигаться под известным наблюдением. История показывает, как нужно заботиться о языке, о его норме, и как это бывает полезно.

Таким образом, норма – явление многослойное, сложное и диалектически противоречивое, а каждый вариант языка, каждая форма языка предполагает существование собственной нормы. Свои особые нормы имеют и функциональные подсистемы литературного языка. Но в то же время всем подсистемам литературного языка свойственны и общие нормы.

Всё это позволяет говорить о диалектной норме, о норме просторечной и, в оппозиции к названным, о нормах литературного языка в его устной и письменной формах. Норма – это шкала переходов от того, что находится за пределами данной формы, к тому, что допустимо, но нежелательно (не рекомендовано), и далее к тому, что единственно возможно. Это показатель формы языка и характеристика говорящего как носителя диалекта, просторечия, жаргона, литературной речи. Это системное явление, проявляющееся на всех речевых и языковых уровнях и отраженное в своих графических экспликациях.

С одной стороны, норма характеризуется устойчивостью, стабильностью, а с другой, – исторической подвижностью и вариативностью. Как объективная социолингвистическая категория она характеризуется узуральностью, обусловлена внутренними законами развития языка, но в то же время, как эталон хорошей речи, она отражает речевые вкусы, предпочтения социокультурной элиты определенного исторического периода. В некоторой степени это даже аксиологическая категория. Эти и другие антиномии, характеризующие норму литературного языка как противоречивое многоаспектное явление, вызывают трудности ее однозначного научного толкования.

Трудности определения понятия языковой нормы обусловлены, в силу его неочерченности и разноплановости, наличием в нем, казалось бы, взаимоисключающих понятий, антиномий. Одной из таких антиномий является стабильность нормы, обусловленная необходимостью сохранения культурной традиции, и историческая изменчивость языка.

Таким образом, при сохранении структуры языка, его грамматического строя и основного словарного фонда на каждом новом этапе развития складываются свои соотношения языковых средств и как следствие свои нормы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. М. *История лингвистических учений*. Москва, 2005. 368 с.
2. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (Проблема языкового изменения). // *Новое в лингвистике*. 1963. Вып. 3. С. 123–343.

3. Гак В. Г. *Теоретическая грамматика французского языка*. Москва, **2000**. 832 с.
4. Гумбольдт В. фон. *Избранные труды по языкознанию*. Москва, **1984**. 400 с.
5. Скворцов Л. И. *Теоретические основы культуры речи*. Москва, **1980**. 352 с.
6. Буров А. А. *Основы культуры речи*. Пятигорск, **1996**. 102 с.
7. Крысин Л. П. Иноязычное заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // *Вопросы языкознания*. **2002**. № 6. С. 27–34.
8. Сепир Э. *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. Москва, **1993**. 656 с.
9. Havranek V. *Studie o spisovnuim jazyse*. Praha, **1963**.
10. Германова Н. Н. Норма в социально-культурном контексте (на материале английского литературного языка XVIII в.) // *Теория, история, типология языка*. Вып. II. **2003**. С. 167–175.
11. Крысин Л. П. *Толерантность языковой нормы* // *Язык и мы*. Мы и язык: сборник статей памяти Б. С. Шварцкопфа. Москва, **2006**. 546 с.
12. Семенюк Н. Н. *Норма* // *Общее языкознание*. Формы существования, функции, история языка. Москва, **1970**. С. 549–596.
13. Гухман М. М. *Литературный язык* // *Общее языкознание*. Формы существования, функции, история языка. Москва, **1970**. С. 502–548.
14. Елистратов В. С. *Арго и культура*. Москва, **1995**. 231 с.
15. Мечковская Н. Б. *Социальная лингвистика*. Москва, **2000**. 207 с.
16. Ожегов С. И. *Очередные вопросы культуры речи* // *Вопросы культуры речи*. Вып. 1. Москва, **1955**.
17. Lewandowski Th. *Linguistisches Würterbuch* (in 3 Bänden). 6.Auflage. Heidelberg-Wiesbaden: Quelle&Meyer, **1994**.
18. Таюпова О. И. *Введение в коммуникативно-прагматическую вариативность*. Уфа, **2009**. 130 с.

Поступила в редакцию 17.11.2012 г.